

Лебедева Анна Алексеевна

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК КУЛЬТУРФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ: ПРАКТИКА СОХРАНЕНИЯ ЦЕННОСТИ

Статья посвящена культурному наследию и роли субъекта - человека - в его судьбе. Затронут лишь один из периодов революционных преобразований в России, ведущий за собой коренную смену ценностных парадигм. Культурное наследие понимается как антропо-социо-культурная система, которая подвержена трансформациям в связи с деятельностью субъекта наследия. Данные трансформации имеют как позитивное, так и негативное влияние на систему наследия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 2. С. 89-92. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

В 1999-2008 гг. Пакистан проводил сдержанную центральноазиатскую политику, стремясь сохранить возможности дальнейшего влияния на ход событий в регионе. По сравнению с серединой 1990-х годов, когда в центре внимания были вопросы экономического сотрудничества, в последующий период проблема безопасности становится одним из ключевых направлений в отношениях Пакистана со странами ЦА.

Список литературы

1. **Белокреницкий В. Я.** Политический ислам в Пакистане и его воздействие на Центральную Азию // Ближний Восток и современность. 2004. Вып. 21. С. 215-227.
2. **Крижко Є. В.** США як фактор зовнішньої політики Пакистану у 1990-2008 рр. // Актуальні проблеми міжнародних відносин. 2012. Вип. 107. № 2. С. 110-117.
3. **Крыжко Е. В.** Основные приоритеты внешней политики Узбекистана // Наука третьего тысячелетия: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4-х ч. / отв. ред. А. А. Сукиасян. Уфа, 2016. Ч. 3. С. 11-16.
4. **Москаленко В. Н.** Исламский радикализм набирает силу // Азия и Африка сегодня. 2003. № 6. С. 24-29.
5. **Москаленко В. Н., Мелехина Н. В.** Политическая обстановка в Пакистане в период правления Первеза Мушаррафа // Ближний Восток и современность. 2004. Вып. 21. С. 239-253.
6. **Пашковский П. И.** К вопросу о факторах принятия внешнеполитических решений // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2015. Т. 3. № 11. С. 88-90.
7. **Effective Plan to Meet Energy Needs: Musharraf Opens Gas Project** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dawn.com/news/146932/effective-plan-to-meet-energy-needs-musharraf-opens-gas-project> (дата обращения: 12.02.2016).
8. **Ministry of Foreign Affairs Government of Pakistan** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.gov.pk/> (дата обращения: 12.02.2016).
9. **Pakistan and Central Asian States (1992-2006)** / ed. by Noor ul Haq. Islamabad: Islamabad Policy Research Institute, 2006. 97 p.
10. **President at Ground Breaking Ceremony of Gwadar Deep-Sea Port** [Электронный ресурс]. URL: <https://presidentmusharraf.wordpress.com/2005/01/24/musharraf-ground-breaking-gwadar/> (дата обращения: 12.02.2016).
11. **Text of the Silk Road Strategy Act of 1999** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/106/hr1152/text> (дата обращения: 12.02.2016).

**PRIORITY DIRECTIONS OF FOREIGN POLICY COURSE
OF PAKISTAN TOWARDS CENTRAL ASIA STATES IN 1999-2008**

Kryzhko Evgenii Vladimirovich, Ph. D. in History
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
jeyson1030@gmail.com

The article is devoted to the study of the process of the transformation of priority directions in the policy of Pakistan in relation to Central Asia states, which took place in 1999-2008 under the influence of a number of internal and external factors. As a result of the research the priorities in the regional policy of Pakistan in the period under consideration are determined, and also the main conditions of the formation of the foreign policy course of Pakistan towards Central Asia states are highlighted. Turkmenistan and Kazakhstan began to take the first place in the Central Asian direction of Pakistan policy from 1999 to 2008. Uzbekistan along with Tajikistan and Kyrgyzstan took the place of the "second echelon" in the foreign policy strategy of Pakistan.

Key words and phrases: Pakistan; Central Asia; The USA; The People's Republic of China; The Russian Federation; foreign policy.

УДК 316:619

Философские науки

Статья посвящена культурному наследию и роли субъекта – человека – в его судьбе. Затронут лишь один из периодов революционных преобразований в России, ведущий за собой коренную смену ценностных парадигм. Культурное наследие понимается как антропо-социо-культурная система, которая подвержена трансформациям в связи с деятельностью субъекта наследия. Данные трансформации имеют как позитивное, так и негативное влияние на систему наследия.

Ключевые слова и фразы: культурное наследие; ценность; субъект наследия; антропо-социо-культурная система; культура; информация.

Лебедева Анна Алексеевна, к. филос. н., доцент
Тюменский государственный институт культуры
mazencova@mail.ru

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК КУЛЬТУРОФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ: ПРАКТИКА СОХРАНЕНИЯ ЦЕННОСТИ**

Изучение культурного наследия как категории культурологической продолжает оставаться актуальным для исследователей. Находясь в поле междисциплинарной интеграции, наследие преломляется и предстает перед аналитиками и практиками как антропо-социо-культурная дефиниция.

Современная поликультурность, несмотря на процессы интеграции и глобализации, «стремится» к сохранению собственной самости, индивидуальности, эксклюзивности, если угодно. Наследие обладает множеством характеристик, среди них – принадлежность к эпохе, отражающая различные стилистические направления и художественные решения, этничность, доминирующий ценностный аспект, по которому можно определить настроения, идеологию как мастера-творца, так и народа в целом. И если есть создатели наследия, то есть и все остальные, те, кто внемлет творениям, боготворит их или, напротив, жаждет их забвения и разрушения. Геростратов подвиг помнят испокон веков, но и современность не оскудела Геростратами.

Изучение культурного наследия имеет глубокие традиции. Логика современного понимания культурного наследия формировалась постепенно, сначала в форме размышлений о культуре вообще, и только затем культурное наследие вычленилось в качестве самостоятельного объекта исследования. Соотношение культурного наследия и культуры в философии культуры трактуется неоднозначно. Изначальное отождествление понятий «наследие», «традиция» и «культура» прослеживается в работах А. Кребера, К. Клакхона, Р. Линтона, Р. Лоуи, Р. Парка, Э. Берджесса, Дж. Мура и многих других авторов, тем самым закладывая фундамент в понимании феномена наследия. Звучал термин еще в Средние века и позднее применительно к имуществу, семье, местности, классу, нации, государству, философским воззрениям и культуре, что отражено в работах отечественных и зарубежных мыслителей разных эпох, среди них: С. Боэций, Т. Гоббс, Д. Дидро, Г. Гегель, Ф. Ницше, Ф. Энгельс, О. Шпенглер, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. И. Герцен, Н. Я. Данилевский, П. Б. Струве, В. С. Соловьев, И. А. Ильин, В. Н. Лосский, П. И. Новгородцев, В. В. Розанов, Ф. А. Степун, Н. С. Трубецкой, П. А. Флоренский, Г. В. Флоровский, С. Л. Франк, А. С. Хомяков, В. Ф. Эрн, Г. Г. Шпет, Л. И. Шестов, Б. Н. Чичерин, П. Я. Чаадаев. Следовательно, как междисциплинарный категориальный феномен, наследие постепенно «завоевывает позиции», определяя собственную нишу как на ниве наук, так и в практике повседневности.

Защита и охрана культурного наследия невозможна без осмысления его роли и значимости в культурогенезе, именно поэтому процессы осмысления важности сохранения наследия нашли свое отражение в охранительных практиках значительно позже. Так, М. А. Полякова [8, с. 62], этапизируя практику сохранения наследия в России, начальным этапом отмечает XVI-XVII вв. – «...сосредоточение <...> в Государевых палатах старинного оружия, а в Оружейной, Царицыной и Мастерской – доспехов, изделий выдающихся мастеров, православных святынь и др.». Позднее Петровские указы были направлены на «...сохранение раритетов, они касались объектов археологического наследия, “зело старых” вещей, поновления (реставрации) объектов недвижимых, фиксации памятников, формирование первых публичных музеев и т.д.». Уже в этот период времени наступает осознание важности сохранения элементов наследия для будущего культуры, народа, государства в целом.

Позднее, вплоть до революционных событий 1917 года, памятничкоохранная практика совершенствовалась. Проводились археологические раскопки, предпринимались меры по консервации и реставрации недвижимых объектов, формируются первые реестры российских памятников. Специалистам хорошо известен проект первого закона об охране памятников, предложенный графом А. С. Уваровым (1869 г.), который содержал классификацию объектов наследия.

Рубеж XIX-XX вв. привносит существенные изменения в формирующуюся систему наследия. Это и учреждение научных общественных организаций, основной деятельностью которых является практика сохранения наследия, и расширение классификации объектов наследия, формирование профессиональных реставрационных школ (И. Э. Грабарь, Н. В. Султанов, В. В. Суслов, Ф. Ф. Рихтер) и многое другое. Все эти перемены свидетельствуют о том, что ценность объекта культурного наследия осознали в обществе, главным критерием памятника становится его непосредственная связь с важным для государственности историческим событием. И, прежде всего, именно в этом состоит его ценность – информация, которую несет памятник, память народа, страны.

Последующий период «переворачивает» сложившуюся систему оценки наследия, его роли и значимости в становлении «новой гражданственности». Изменяются критерии оценки памятника, роли его в исторической ретроспективе и, соответственно, его будущего в национальной культуре народа. И именно в этом периоде происходит аксиологический нонсенс. Целая «плеяда Геростратов» нивелирует вместе с памятниками ушедшей эпохи колоссальный пласт ценностей, тем самым и утрачивается «народная память».

Значимость ценности культурного наследия может проявляться по-разному. Оценка наследия может осуществляться с позиций экономического, политического, искусствоведческого анализа, поскольку ценность культурного наследия многоуровневая. Весь комплекс ценностей объекта наследия формирует его значимость в определенную историческую эпоху. То есть всякая оценка культурного наследия субъективна в своей основе.

О. А. Музыка, исследуя ценностно-оценочный фактор в контексте социосинергетической парадигмы, выделяет следующую ценностную структуру: «...ценности разделены по уровню в зависимости от совокупности субъекта, интересы которого они представляют, ценность присуща как субъекту, так и объекту; любая ценность находит свое место в двух аналоговых шкалах: с одной стороны, по силе и характеру отношений, что делает ее позитивной, негативной или нейтральной, а с другой – эволюционной, становясь превентивной или актуальной» [7].

Революции, в каком бы государстве они ни происходили, – это всегда смена одних ценностей другими, причем те, первые не имеют возможности реабилитироваться, и забвение их несет за собой утрату фрагментов истории, как бы прерывая ее. По отношению к культурному наследию в истории человечества можно судить о стабильности государственности в тот или иной период. В этом смысле наследие является наиболее уязвимой формой отражения бытия человека.

Свойства и качества любой системы определяются особенностями ее элементов. Культурное наследие исследуемого периода может быть названо системой, причем сложившейся системой со всеми необходимыми элементами и механизмами функционирования. Согласно исследованиям М. С. Кагана, сторонника онтологического подхода, можно выделить четыре класса систем и, соответственно, процессов их самоорганизации:

1. Простые или механические системы: они свойственны неорганической природе.
2. Сложные или органические, представляющие собой такие целостности, части которых являются органами данного организма, т.е. не существуют сами по себе.
3. Сверхсложные или антропо-социо-культурные системы. Они отличаются от сложных систем разнообразностью субстрата – не однородно-биологического, а синтезирующего свойства природы, общества и воплощенной в культуре человеческой деятельности.
4. Суперсверхсложные системы. Таковы человек как личность и воссоздающие динамическую структуру личности художественные образы... [2, с. 7].

Антропо-социо-культурная система, безусловно, включает в себя человека, и именно человек как субъект деятельности влияет на процессы системных изменений. И если человек, его интеллект и память – это часть системы, то его качества переходят и на систему, становясь ее характеристиками.

Пространство культуры – это обитель человека. Человек является как элементом внутренней структуры наследия, так и представителем внешней по отношению к наследию среды. Он выступает творцом и создателем объектов культурного наследия. Признак – обладание творческим потенциалом. Это могут быть как единичные представители, историко-культурные персоналии (живописцы, композиторы, архитекторы, авторы и создатели художественных произведений), так и анонимные, неизвестные авторы – представители народа (фольклор, народная музыка, народное творчество и т.д.).

Человек – транслятор и популяризатор культурного наследия. Эту функцию осуществляют волонтеры, общественные организации, СМИ, государственные учреждения и социальные институты, специализирующиеся на культуросохраняющей деятельности.

Человек выступает в роли «хранителя» культурного наследия, образуя специализированные государственные, общественные культуроохранные структуры. Они охватывают уровни от высших государственных органов управления и контроля (профильное министерство, государственные инспекции, спецуправления в культурных центрах) до наиболее простых территориально-культурных единиц, каковыми являются в основном музейно-усадебные и музейно-исторические комплексы, центры национальных культур. Так, многоканальная система управления с административно-государственного уровня вырастает непосредственно в социальное пространство культуры, функционируя через культурные институты (музеи, НИИ, библиотеки, архивы и т.д.), которые становятся инструментами управления. Тем самым они из пассивной субстанции – объекта управления – становятся функциональным элементом процесса и системы деятельности в сфере культуры и культурного наследия. К компетенции государственных органов относятся система поиска, взятие под охрану, реставрация, накопление и сохранение, защита от незаконного вывоза, а также обеспечение доступа для изучения специалистами или просвещения предметов мирового и отечественного культурного наследия, обладающих неординарной смысловой, исторической или художественной ценностью (книжно-письменных, архитектурно-пространственных, художественных произведений разных видов и уникальных произведений ремесла, исторических документальных и вещественных раритетов, археологических памятников, а также заповедных территорий культурно-исторического значения).

И, наконец, главное – человек является «оценщиком» культурного наследия. Осуществляя культурный отбор, индивид выполняет аксиологическую функцию. Отбор происходит в соответствии с культурными стандартами, предпочтениями, нормами, то есть ценностями того или иного исторического периода.

Утрата системой памяти или ее искажение – не что иное, как иначе оцениваемая историческая информация по сравнению с предыдущим периодом. В момент ценностного отчуждения происходит переоценка значимых ценностей культуры. Изменяется ценностное осмысление информации, заключенной в объектах наследия, происходит ее «свертывание», «перекодировка». Отсюда отбор на основе новой ценностной системы объектов культурного наследия и постепенное становление новой системы.

Главная проблема в данном случае очевидна – выявление причин трансформации культурного наследия, возможности наследия противостоять им, самообновляясь, при этом сохраняя свои основные характеристики и значимость в культуре. С теоретической точки зрения подобное самосохранение возможно. Ключевая роль в этом вновь принадлежит субъекту наследия, который в силу своих полномочий мог бы препятствовать разрушению мощного исторически-информационного пласта. Хотя и на сегодняшний день практика сохранения сталкивается с подчас непреодолимыми препятствиями. Среди них: обострение в сфере геополитики, гражданские столкновения и революционные события, недостаток финансирования необходимых объемов проведения ремонтно-реставрационных работ, низкая степень «включения» объектов наследия в культурную жизнь регионов.

Список литературы

1. Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1996. 205 с.
2. Каган М. С. Формирование личности как синергетический процесс // Обсерватория культуры. 2005. № 2. С. 4-10.
3. Каган М. С. Человеческая деятельность: опыт системного анализа. М.: Политиздат, 1974. 328 с.
4. Копсергенова А. А. Культурное наследие: философские аспекты анализа: дисс. ... к. филос. н. Ставрополь, 2008. 184 с.
5. Культурное наследие Российского государства: прошлое и современность, ученые и политики об историческом и культурном достоянии / сост. А. Н. Кирпичников. СПб.: Вести, 2000. 189 с.

6. Мазенкова А. А. Культурное наследие как самоорганизующаяся система: монография. Тюмень: РИТЦ ТГАКИСТ, 2010. 108 с.
7. Музыка О. А. Ценностно-оценочный фактор в контексте социосинергетической парадигмы [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000988/> (дата обращения: 09.06.2009).
8. Полякова М. А. Охрана культурного наследия России: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2005. 271 с.

CULTURAL HERITAGE AS A CULTURE-PHILOSOPHICAL CATEGORY IN THE CONTEXT OF HISTORY: PRACTICE OF PRESERVING VALUE

Lebedeva Anna Alekseevna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Tyumen State Institute of Arts and Culture
mazencova@mail.ru

The article discusses cultural heritage and the role of the subject – a human being – in its destiny. The author focuses on a certain period of revolutionary reforms in Russia resulting in the cardinal change of value paradigms. Cultural heritage is interpreted as an anthropo-socio-cultural system, which undergoes transformations due to the activity of the subject of heritage. These transformations have both positive and negative influence on the system of heritage.

Key words and phrases: cultural heritage; value; subject of heritage; anthropo-socio-cultural system; culture; information.

УДК 78.071.1/398(571.6)(035.3)

Искусствоведение

Оригинальность рассматриваемого в статье произведения – в совмещении различных стилевых признаков, среди которых фольклорные истоки, знаки «чужого» композиторского фольклоризма, джазовые аллюзии, представленные в контексте романтического и современного типов концертности. Стержнем развития является фольклорно-стилевая модуляция, проведённая на всех этих уровнях. Функция фольклорных прообразов, логика развития которых направлена в сторону их большей выраженности в тексте произведения, заключается в «сборе» воедино полистилевого содержания Концерта.

Ключевые слова и фразы: композиторский фольклоризм; переинтонирование фольклора; цитирование; стилевое моделирование; полистилистика; Дальний Восток.

Лескова Татьяна Владимировна, к. искусствоведения
Хабаровский государственный институт культуры
hgik@pochta.ru

ФОЛЬКЛОР И ПОЛИСТИЛИСТИКА В «ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ КОНЦЕРТЕ» Ю. ВЛАДИМИРОВА

Стилевое многообразие отечественной музыки второй половины XX века отразилось в сфере композиторского фольклоризма на Дальнем Востоке России. Оригинальностью трактовки фольклора отличается «Дальневосточный концерт» для фортепиано с оркестром Юрия Яковлевича Владимирова (1925-1978) – произведение, относящееся к разряду музыкальной классики региона.

История создания Концерта предопределила полиэтничность восточнославянских истоков в первых двух частях и коренных дальневосточных – в финале. В начале 1950-х годов (ещё в Одессе) нерешаемой для композитора оказалась проблема финала. Авторская рефлексия могла касаться общероссийских тенденций, в частности – тиражирования бесконфликтного (Е. Долинская) концерта. Это расходилось с опытом Ю. Владимирова как автора трёх симфоний, в том числе «военной» «Утро Победы». Неоднозначность творческой ситуации 1960-х годов по-иному зафиксировала «несоответствие» романтизированного Концерта Ю. Владимирова явлениям второй волны российского авангарда. Завершение работы в 1970 году (уже на Дальнем Востоке) было инициировано В. Соболевским – солистом Хабаровской филармонии, блестящим интерпретатором романтической и современной музыки. Концерт Ю. Владимирова обрёл своё место в историческом контексте музыки России на пересечении неомодернизма, полистилистики и неоромантизма.

Свою цельность произведение Ю. Владимирова обретает при основополагающей роли *романтической* концертности. Отметим её инвариантные свойства: 1) общую трёхчастность цикла: 1-я часть «Соната», 2-я «Интермеццо», 3-я «Скерцо»; 2) темповые контрасты «быстро – медленно – быстро»; 3) образные антитезы действия – созерцания – возобновления движения, способные отразить жизненные коллизии с «потенциально большей динамичностью, чем в симфонии» [4, с. 86]; 4) признаки симфонизации, проявляющиеся в большой каденции как «второй разработке» и кульминации «Сонаты», в значимости лирико-психологического «Интермеццо»; 5) жанровость финала; 6) виртуозность партии солиста; 7) принципы состязательности и широко понимаемое «игровое начало» [Там же, с. 84-85]; 8) фольклорность истоков, что сближает Концерт Ю. Владимирова с ветвью кучкистской концертности (ещё в XIX веке совместившей листовские принципы с русским национальным началом), отдельными чертами концертов Рахманинова, Прокофьева (особенно Вторым фортепианным), как явлений «нового русского романтизма» [Там же, с. 105].